

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

УДК 331.526

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО РЫНКА ТРУДА В СИТУАЦИИ КРИЗИСА МИРОВОГО ПОРЯДКА

Рецензия на коллективную монографию:

**Трансформация рынка труда России в условиях формирования
нового мирового порядка: риски и перспективы / Г.А. Гончаров [и др.]. –
Санкт-Петербург: СПбГУП, 2024. – 224 с.**

Беспалов Сергей Валерьевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия); sbesp@mail.ru

Ключевые слова: рынок труда; занятость; трудовые ресурсы; рабочая сила.

Для цитирования: Беспалов С.В. Трансформация отечественного рынка труда в ситуации кризиса мирового порядка // Социальные новации и социальные науки. – 2025. – № 2. – С. 155–165. – Рецензия на коллективную монографию: Трансформация рынка труда России в условиях формирования нового мирового порядка: риски и перспективы / Г.А. Гончаров [и др.]. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2024. – 224 с.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2025.02.09

Рукопись поступила 20.05.2025.

Принята к печати 30.05.2025.

Введение

В коллективной монографии (авторы Г.А. Гончаров, А.В. Ладоха, А.П. Марков, В.Б. Морозов, Е.В. Семенова) рассмотрены процессы трансформации российского рынка труда в 2014–2024 гг. – в период обострения отношений Запада и России, а также пандемии COVID-19-и перспективы его развития на предстоящее десятилетие. Тема является исключительно значимой, поскольку практически во всех странах мира рынок труда в последние годы оказался перед лицом новых вызовов: так и не преодоленные до конца последствия мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., очевидный кризис и поворот вспять процесса глобализации, цифровизация экономики, последствия пандемии. В России к этому добавились результаты беспрецедентного санкционного давления. Изучению рынка труда нашей страны в последние годы было посвящено несколько серьезных исследований [Калужский, 2018; Мобильность ..., 2017; Неустойчивая занятость ..., 2019]. Однако в последние годы темпы изменений ускоряются, поэтому проведенное авторами рецензируемой монографии исследование весьма актуально.

Трансформация отечественного рынка труда происходит в ситуации кризиса существующего мирового порядка в целом и системы международных экономических отношений, в частности. В последнее время в экономической науке ведущих стран происходит коренной пересмотр представлений о перспективах развития мировой экономики. «Достаточно осторожные прогнозы допандемийной эпохи сменила критика текущего положения вещей и понимание того, что старые методы развития уже полностью исчерпаны» [Трансформация ..., 2024, с. 90]. Всё более распространенным становится мнение о том, что начало СВО ознаменовало собой вступление мира в новую холодную войну. Масштабные санкции, введенные в отношении России, положили начало отсоединению ее экономики от экономики Запада; в дальнейшем может произойти и разъединение западной и китайской экономик. В результате глобальная экономика может разделиться на конкурирующие технологические и финансовые экосистемы; будут рваться глобальные цепочки поставок; все большее количество стран станут стремиться к самообеспечению, по крайней мере в стратегических отраслях. Это будет означать уменьшение экономической взаимозависимости между странами и нарастание конфронтации между соперничающими лагерями, возглавляемыми США и Китаем.

Трансформация российского рынка труда в 2010 – начале 2020-х гг.

В монографии дается периодизация процессов воспроизводства трудовых ресурсов в постсоветской России. Авторы выделяют четыре таких «трансформационных волны»:

1. 1990-е годы, характеризовавшиеся процессом быстрой депопуляции. Прежде всего она стала результатом резкого сокращения рождаемости в условиях экономического кризиса, снижения жизненного уровня и неуверенности людей в завтрашнем дне. Одновременно с этим отмечалась высокая смертность, причем в трудоспособном возрасте; особенно быстро росла мужская смертность. Кроме того, очень высок был уровень младенческой смертности. Ситуацию усугубляли снижение доступности и качества медицинской помощи (в особенности для сельского населения), широкое распространение социально опасных заболеваний (туберкулеза, гепатита, ВИЧ-инфекции и т.д.), а также рост потребления алкоголя, табака и распространение наркомании. Одновременно с этим 1990-е годы стали временем значительного миграционного оттока населения, преимущественно в США, страны Западной Европы и Израиль. Уезжали главным образом высококвалифицированные специалисты. По оценкам Всемирного банка, из РФ в 1990-е годы «уехало около 25% ученых, 15% врачей, 5% инженеров, что значительно подорвало интеллектуальный и трудовой потенциал России и нанесло огромный ущерб перспективам инновационного развития. К тому же среди эмигрантов преобладали молодые люди, что усугубляло демографический кризис» [Трансформация ..., 2024, с. 34].

2. 2000-е годы, когда стала восстанавливаться рождаемость и начался приток неквалифицированной рабочей силы из стран СНГ. К восстановлению рождаемости привели, по мнению авторов, относительная макроэкономическая стабилизация и экономический рост; улучшение социальной инфраструктуры; активная политика по стимулированию рождаемости; отсроченная потребность в рождении детей. Одновременно с этим наблюдался существенный приток трудовых мигрантов, главным образом из стран ближнего зарубежья. Вместе с тем в страну вернулась часть ранее выехавших квалифицированных специалистов – граждан России.

3. 2010-е годы, ставшие временем стабилизации рождаемости и существенного увеличения продолжительности жизни. Коэффициент рождаемости медленно рос и в 2016 г. достиг максимального значения за последние десятилетия – 1,76. В 2010-х годах существенно выросла продолжительность жизни россиян – на 5,4 года у мужчин и на 3,5 года у женщин. По мнению авторов, этот период характеризовался притоком квалифицированных специалистов из стран дальнего зарубежья. В подтверждение этого тезиса приводятся данные о том, что по программе мегагрантов Минобрауки в период с 2010 по 2014 г. в российских научных организациях стали работать около 3000 иностранных ученых. Кроме того, по данным ОЭСР, с 2009 по 2018 г. доля иностранцев среди занятых в сфере профессиональной, научной и технической деятельности в России выросла с 3% до 8%. На наш взгляд, при всей значимости этих изменений, они явно не достаточны для того, чтобы делать вывод о том, что приток именно квалифицированных специалистов стал преобладающей тенденцией в 2010-е годы. Продолжающийся приток неквалифицированной рабочей силы из стран СНГ был многократно большим.

4. Период с 2020 г. по настоящее время, когда в условиях пандемии COVID-19, закрытия границ, перехода значительной части занятых на удаленную работу, начала СВО и беспрецедентного санкционного давления на Россию рынок труда оказался перед лицом новых вызовов. При этом долгосрочные тенденции авторы считают не вполне очевидными.

Выделение этих четырех периодов представляется вполне приемлемым. В то же время обозначенные авторами «волны» воспроизводства и миграции рабочей силы в России, за исключением четвертой волны, связанной с ковидом и СВО, целиком обуславливаются внутрироссийскими факторами, а никак не трансформацией международных экономических отношений, о чем говорится в монографии.

Многие процессы на рынке труда России авторы монографии считают следствием мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. и пандемии COVID-19. Это вполне обоснованно, однако вряд ли кратковременное ухудшение ситуации после кризиса и начала пандемии дает основание для утверждений о неустойчивости рынка труда на протяжении достаточно длительного периода, как это неоднократно говорится в монографии. К тому же тезис о неустойчивости российского рынка труда, по сути, опровергается в завершающей части исследования, о чем будет сказано ниже.

Влияние мирового кризиса на рынок труда России, по мнению авторов, заключалось в следующем:

- сокращение персонала стало преобладающей стратегией компаний в целях оптимизации расходов;
- компании резко сократили объем найма новых работников;
- вследствие падения спроса на товары и услуги для населения под ударом прежде всего оказались торговля и сфера услуг, что привело к сокращению персонала;
- как следствие сказанного выше, резко выросла безработица – до 8,4% экономически активного населения в 2009 г.

Последующие годы (2010–2013) показали, что «экономика России может достаточно быстро адаптироваться к меняющимся условиям и нивелировать негативное влияние мировых тенденций» [Трансформация ..., 2024, с. 45]. Однако в дальнейшем, в результате ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры, начавшаяся позитивная тенденция не продолжилась. Ситуацию усугубило начало санкционного давления с 2014 г.

В то же время относительно мягкая политика Банка России в тот период помогла российскому бизнесу адаптироваться к новым условиям, а ослабление рубля помогло экспортерам. Повышение МРОТ и рост зарплат бюджетников поддержали потребительский спрос и позволили снизить уровень бедности.

Пандемия COVID-19 стала новым шоком для экономики и рынка труда России. Если в предшествующие годы безработица сокращалась, то после введения ограничительных мер в 2020 г. чис-

ло безработных за несколько месяцев взлетело до максимального уровня за последнее десятилетие – с 4,5% до 6,4%. «За короткий срок без работы оказались миллионы людей, многие из которых впервые обратились за помощью в службы занятости» [Трансформация ..., 2024, с. 49]. При этом в период пандемии, в отличие от предыдущих лет, опережающими темпами росла безработица среди женщин. Кроме того, авторы обращают внимание, что в результате пандемии максимальным рост безработицы был среди населения в возрасте от 30 до 44 лет: представители этой возрастной группы составили большую часть всех лишившихся работы.

Ключевым фактором, смягчившим негативные тенденции на рынке труда, стала возможность перехода на удаленный формат занятости. Многие работодатели, «оценив выгоду от сокращения расходов на офисы, оставили сотрудников на дистанционной занятости и после отмены ограничений. Это сформировало новый тренд на рынке труда. По оценкам, в 2021 году доля удаленных работников выросла до 15%. Изменение трудового законодательства, разрешившего считать дистанционную работу полноценной формой занятости, закрепило уже сложившуюся практику, обеспечив соблюдение интересов и работников, и работодателей» [там же, с. 54].

В книге рассматриваются демографические тенденции последних лет и их влияние на российский рынок труда. Основными среди этих тенденций являются:

- сокращение численности населения трудоспособного возраста с 85,2 млн человек в 2015 до 82,3 млн человек в 2022 г.;
- рост демографической нагрузки на трудоспособное население: с 742 иждивенцев (пожилых и детей) на 1 тыс. человек трудоспособного возраста в 2015 до 865 в 2022 г.;
- увеличение среднего возраста работников с 39,9 года в 2010 до 41,9 года в 2022 г.;
- обострение проблемы дефицита кадров в ряде отраслей.

По справедливому утверждению авторов монографии, в сложившихся условиях налицо «потребность в создании условий для продолжения трудовой деятельности пожилых. Усиливается конкуренция за молодежь. Требуется повышение производительности труда и внедрение новых технологий. Растет востребованность образовательных программ для работы с пожилыми. Необходимы меры по оптимизации распределения трудовых ресурсов и совершенствованию системы социальной защиты» [там же, с. 109].

Цифровизация и рынок труда

В работе обстоятельно анализируется процесс цифровизации российской экономики как фактора трансформации рынка труда. Как справедливо утверждается в монографии, сегодня цифровизация оказывает значительное, возможно, определяющее воздействие на трансформацию рынка труда России. «По прогнозам, к 2030 году до 25% рабочих мест в России могут быть автоматизированы. Растёт спрос на высококвалифицированных специалистов в области ИТ, работаю-

щих с искусственным интеллектом, big data и другими новейшими технологиями» [Трансформация ..., 2024, с. 60]. На всех уровнях, от рядовых сотрудников до топ-менеджеров, увеличивается потребность в развитии цифровых квалификаций.

Авторы отмечают, что быстро растет потребность в программистах, аналитиках данных, веб-разработчиках, специалистах по информационной безопасности и т.д. Одновременно с этим процесс цифровизации означает снижение спроса на профессии, связанные с рутинными операциями, легко поддающимися автоматизации с помощью цифровых технологий. Наиболее уязвимыми в этом плане являются такие профессии, как офисные сотрудники, бухгалтеры, банковские служащие, операторы колл-центров, секретари.

Что касается ситуации с востребованностью IT-специалистов в нашей стране, то в основных чертах она схожа с общемировыми тенденциями. Высокий спрос на таких специалистов вызван несколькими основными факторами:

- быстрым ростом отечественного рынка интернет-торговли, что обуславливает спрос на веб-разработчиков, аналитиков данных, специалистов по интернет-маркетингу;
- активным внедрением цифровых технологий в российской промышленности;
- ростом инвестиций бизнеса в облачные сервисы.

Дефицит IT-кадров в России является весьма острым: в стране не хватает от 100 до 200 тыс. специалистов. Более всего ощущается нехватка разработчиков программного обеспечения. Ситуация обострилась во время пандемии: по данным HeadHunter, в 2021 г. спрос на таких специалистов по сравнению с предыдущим годом вырос на 72%.

Сложность ситуации для предприятий обусловлена как дефицитом квалифицированных специалистов, так и высокими зарплатными ожиданиями.

Всё более востребованными являются сотрудники в сфере информационной безопасности. Результаты исследования, проведенного в НИИ труда в 2021 г., свидетельствуют, что 29% организаций планируют увеличение числа таких специалистов. Максимальный спрос при этом приходится на специалистов среднего звена (64% вакансий).

После начала СВО и беспрецедентного санкционного давления на Россию ситуация с кадрами в IT-сфере, по словам авторов монографии, стала еще более напряженной. Несмотря на то, что значительная часть представителей отрасли, покинувших страну в первые месяцы СВО, впоследствии вернулась в Россию, немалая часть наиболее квалифицированных специалистов не спешит возвращаться в страну. В условиях масштабной государственной поддержки IT-отрасли общее количество специалистов даже возросло. Однако произошло это за счет того, что в стране образовался избыток специалистов начального уровня. Представители различных компаний данной отрасли отмечают, что средний уровень IT-специалистов существенно снизился: «Те, кого сейчас называют экспертами, несколько лет назад таковыми не считались бы» (с. 103). Одной из ключе-

вых причин этого является приток в отрасль людей без профильного образования. Нехватка сильных специалистов, прежде всего среднего звена, негативно сказывается на реализуемых в отрасли проектах. Ситуацию усугубляет отставание образовательных программ от скорости технологических изменений в данной сфере; в результате компаниям приходится тратить все больше времени и ресурсов на внутреннее обучение кадров. Впрочем, авторы монографии полагают, что ситуация в ближайшее время будет улучшаться.

Зарубежный опыт помощи безработным и возможности его использования в России

Смыслом социального страхования по безработице является поддержка жизнеспособности людей в период поиска ими работы. В то же время пособие, как отмечают авторы, не должно стимулировать иждивенческие настроения. Любое государство стремится к тому, чтобы люди вовлекались в производство, платили налоги. Поэтому в ряде стран эта форма выплат по социальному страхованию именуется поддержкой соискателей, а не пособием по безработице.

Что касается размера выплат, то он исчисляется по-разному в различных государствах, но в любом случае зависит от среднего заработка за предшествующий потере работы период, определенный законом (исключение составляют Швеция и Южная Корея). Кроме того, размер пособия обычно зависит от продолжительности работы и срока пребывания в статусе безработного. Авторы монографии считают более справедливой систему исчисления периода работы не месяцами стажа, как в России, а рабочими часами; полезным опытом им также представляется учет графика сезонных рабочих, как это практикуется, в частности, в Великобритании и Канаде. Люди, не имеющие трудового стажа либо не платившие взносы в систему социального страхования (обязательного или добровольного), как правило, получают пособия по безработице в минимальном размере, если только в это пособие не включены особые социальные выплаты – семейные и проч. Пособие по безработице выплачиваются либо еженедельно, либо ежемесячно; последний вариант в монографии оценивается как предпочтительный, поскольку уменьшает нагрузку на органы, осуществляющие выплаты.

Как правило, критериями назначения пособия по безработице являются трудоспособность человека, а также его готовность выйти на новую работу. Отказ от вакансий, предлагаемых органами занятости, а также увольнение с предыдущей работы вследствие нарушений обычно влекут за собой отказ в назначении пособия или приостановку его выплаты. В некоторых странах существуют особые формы отчетности, призванные подтвердить предпринимаемые гражданином усилия по поиску работы.

Перспективы дальнейшей трансформации российского рынка труда

В завершающей части монографии проанализированы основные тенденции, которые будут оказывать определяющее влияние на отечественный рынок труда в период до 2035 г.

Прежде всего авторы обращают внимание на то, что качество отечественного образования (прежде всего высшего инженерно-технического и среднего профессионального) все в меньшей степени отвечает потребностям рынка труда. Соответственно, в отсутствие изменения системы подготовки кадров, самих моделей подготовки специалистов, уже имеющееся технологическое отставание нашей страны от США и Китая будет лишь нарастать. Нынешняя система профессионального образования в России не способна формировать компетенции, которые более всего востребованы рынком труда. Авторы считают, что давно назревшие изменения учебных программ и преподавательских подходов в российских учебных заведениях произойдут быстро – уже в перспективе двух-трех лет. Последнее утверждение представляется нам весьма спорным, учитывая значительную инерционность процессов в образовательной системе.

В монографии подчеркивается слишком высокая доля рутинных операций (бумажного документооборота, ручного труда, примитивных технологий и устаревшей техники) в большинстве видов экономической деятельности современной России. Последствия этого неоднозначны. Во многом благодаря низкопроизводительному труду удастся поддерживать высокий уровень занятости. Однако это же очевидным образом сдерживает технологическое развитие страны. При этом авторы отмечают, что, как свидетельствует опыт США и европейских стран, политика, направленная на повышение производительности труда, без одновременной реализации программ массового создания новых высокопроизводительных рабочих мест, неизбежно приводит к существенному повышению уровня безработицы, прежде всего среди молодежи.

Ещё одной важной тенденцией, влияющей на трансформацию рынка труда России в ближайшее десятилетие, станут изменения в структуре рабочей силы на фоне продолжающейся депопуляции. «По данным среднего варианта демографического прогноза Росстата в период до 2035 года, численность населения в трудоспособном возрасте возрастет на 5 млн человек, или на 6%; населения младше трудоспособного возраста – уменьшится на 6,76 млн человек, или на 24,8%; старше трудоспособного возраста – уменьшится на 1,7 млн человек, или на 4,65%» [Трансформация ..., 2024, с. 120]. Следовательно, в ближайшие десятилетия демографическая нагрузка на трудоспособное население будет снижаться. В то же время явно проявившаяся в последние годы тенденция сокращения числа молодых работников продолжится [Капелюшников, 2023, с. 10].

Однако в долгосрочной перспективе существует очевидная угроза демографическому потенциалу страны. Общая численность населения страны к 2035 г. при этом будет сокращаться: по низкому варианту прогноза Росстата на 12,174 млн человек, по среднему варианту на 6,757 млн, по высокому варианту на 2,148 млн.

Последствия депопуляции будут смягчены миграционным приростом населения. Этот прирост с 2022 по 2035 г. составит «по низкому варианту прогноза 462,5 тыс. человек, или 4% от естественной убыли, по среднему варианту – 3613 тыс., или 24,2%; по высокому – 5195,9 тыс., или 54,3%, соответственно» [Трансформация ..., 2024, с. 123].

На структуру занятости и, соответственно, трансформацию рынка труда будет влиять структурная перестройка экономики. Ныне существующая структура российской экономики, по мнению авторов, может быть названа моделью выживания, позволяющей выдерживать любые кризисы, а также последствия санкций; однако она не может обеспечить динамичный экономический рост. При этом, как утверждается в монографии, структура занятости российского населения за последнее десятилетие не претерпела принципиальных изменений. Такая ситуация, с одной стороны, свидетельствует о стабильности и устойчивости российского рынка труда с другой – говорит об отсутствии структурной перестройки экономики, без которой невозможен быстрый экономический рост. Это является одним из подтверждений того, что задачи по структурной модернизации экономики на период до 2020 г., определенные еще в 2008 г. Концепцией долгосрочного развития экономики России [Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р ..., 2008], не были выполнены и до сих пор остаются актуальными.

Авторы обращают внимание на то, что структура занятости российского населения существенно отличается как от развитых стран, так и от быстрорастущих экономик Китая, Индия, Бразилии, Индонезии. Соответственно, для структурной модернизации экономики и трансформации рынка труда нашей стране необходим уникальный сценарий.

Заключение

Последствия геополитической напряженности и пандемия стали двумя основными факторами, оказавшими влияние на экономику и рынок труда России в последние десять лет. Последствия санкций со стороны нескольких десятков государств, по убеждению авторов монографии, удалось, по крайней мере в краткосрочном плане, нейтрализовать теми мерами, которые были реализованы российскими властями.

Введённые во время пандемии COVID-19 ограничения деловой активности, а также вынужденное сокращение работников многими предприятиями обусловили переток рабочей силы в сферу самозанятости, а также в те сферы деятельности, которые стали более привлекательными в новых условиях. Многие предприятия перевели по крайней мере часть сотрудников на удаленную работу; около 60% из них сохранили этот формат и после отмены введенных государством в период пандемии мер. Тренд на повышение роли удаленной работы, а также самозанятости, по мнению авторов монографии, сохранится и в дальнейшем. Кроме того, «изменилась структура спроса на рынке труда на профессиональные компетенции работников. Распространение удаленного режима

деятельности, перевод значительного количества сотрудников на аутсорсинг в статусе ИП и самозанятых привели к существенному сокращению расходов на управление персоналом» [Трансформация ..., 2024, с. 180].

В условиях новых вызовов, как справедливо отмечается в монографии, налицо потребность в новом качестве государственного регулирования сферы занятости. Его задачами являются совершенствование регулирующих рынок труда институтов, повышение правовой и экономической культуры населения, создание эффективных механизмов профориентации и профессионального профилирования с использованием образовательных ресурсов и современных технологий обучения [там же, с. 181]. Всё это должно обеспечить быструю адаптацию экономически активного населения к переменам.

Представляется, что предпринятая авторами монографии попытка систематизировать основные процессы в сфере занятости населения России последнего времени, а также осмыслить тенденции трансформации рынка труда на предстоящее десятилетие оказалась в целом продуктивной. Проанализирован широкий круг публикаций, официальных документов, статистических данных. В то же время высказанные в монографии суждения об особенностях мирового экономического кризиса и характере его влияния на изменение российского рынка труда кажутся нам недостаточно обоснованными. Кроме того, ощущается недостаток редакторской работы – некоторые утверждения из различных частей монографии, очевидно, написанные разными авторами, откровенно противоречат друг другу.

Список литературы

1. Калужский М.Л. Сетевой рынок труда. – Москва: Берлин: Директ-Медиа, 2018. – 124 с.
2. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов. – Москва: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2023. – 78 с.
3. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Консультант. – 2008. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=308069#VrbyinUKFi4NHbWo>
4. Мобильность и стабильность на российском рынке труда / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 529 с.
5. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / под ред. В.Н. Бобкова. – Москва: КноРус, 2019. – 342 с.
6. Трансформация рынка труда России в условиях формирования нового мирового порядка: риски и перспективы / Г.А. Гончаров [и др.]. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2024. – 224 с.

TRANSFORMATION OF THE DOMESTIC LABOR MARKET IN THE SITUATION OF A CRISIS OF THE WORLD ORDER

Review of the collective monograph:

**Transformation of the Russian labor market in the context of the formation of a
new world order: risks and prospects / G.A. Goncharov et al. – St. Petersburg:
SPbGUP, 2024. – 224 p.**

Bespalov S.V.

PhD (Hist. Sci.), Senior Researcher at the Department of Economics, Institute of Scientific
Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
sbesp@mail.ru

Keywords: labor market; employment; labor resources; labor force.

For citation: Bespalov S.V. Transformation of the domestic labor market in the situation of the crisis of the world order // Social Novelties and Social Sciences. – 2025. – N 2. – P. 155–165. – Review of the collective monograph: Transformation of the Russian labor market in the context of the formation of a new world order: risks and prospects / G.A. Goncharov et al. – St. Petersburg: SPbGUP, 2024. – 224 p.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.02.09